

Михаил ГИГОЛАШВИЛИ

ПОВЕСТИ СТРЕЛКИНА

Редакция! Эти бумаги я нашел на скамейке в саду на Невском, когда барышню ждал. Она как взглянула, так и рассмеялась: «Раз на Стрелке нашел — значит, “ПОВЕСТИ СТРЕЛКИНА”!» Пошли в редакцию, может, денег дадут!» Отсылаю бумаги тебе. Надеюсь, они тебе пригодятся. Делай с ними что хочешь, а я свой долг выполнил, о чем и сообщил участковому, который ведет список моих добрых дел, необходимый для отчета в колонию РК-125, откуда меня досрочно-условно выпустили. Так что никто не скажет, что я чужое присвоил, выбросил или пустил на махру, что у нас на химии то и дело случалось (даже Ленина жгли, не говоря уже о всяких других). А если гонораром поделишься, возражать, конечно, не стану. Заранее благодарю.

Демьян Чурук, разнорабочий

ВЕРНЫЙ СЛУГА

Один большой начальник отправился к любовнице в пригород Москвы. Свой белый «мерседес» с шофером он оставил у переезда, а сам двинул напрямик, через пути. Идти было довольно долго, но он хотел еще раз обдумать неприятное положение — его телохранитель зачастил к его любовнице — и решить, от кого избавляться, если их связь подтвердится.

Застав у девчонки того, кого он и предполагал застать, он заметил раскрытую постель, придвинутое к ней зеркало, бутылку коньяка на столе, панику в их глазах. Одежда охранника была явно не в порядке. А когда, рванув со злости халат на девчонке, он увидел знакомый секс-лифчик, он дал охраннику тяжелую пощечину; тот въехал ему по скуле, девчонка закричала, а он, разбив в ярости ногой зеркало, выбежал наружу и ринулся прямо через пути, прокручивая в голове список тех своих знакомых, которые могли бы помочь нанять надежных парней, чтобы отомстить обидчикам.

Краем глаза он видел далекую фару поезда, но думал успеть, однако запнулся, замешкался и чудом перескочил через рельсы под самой фарой.

Не успел он оглянуться, как вдруг оказался в потоке грохота, лязга и свиста — это мчалась встречная электричка. Он попал между двумя поездами. Его стало кружить и бить о вагоны. Потеряв ориентацию, не понимая, что происходит, и думая, что он попал под поезд и вагоны грохочут над ним, он закрывал голову руками — но кланица только нарастала; он вытягивал руки — их било о поручни; он пытался устоять — а его швыряло между поездами и било о вагоны. Почувствовав страшную боль в руке, он рухнул без сознания.

Когда электрички умчались, его заметили грибники, пережидавшие у кромки леса. Они оттащили его с путей, кое-как стянули ногу — рана была глубока, лилась кровь, а из сломанной руки зловеще вылезали белые кости.

Кто-то добрый побежал через лес к переезду, увидел белый «мерседес» и стал просить шофера срочно доставить в больницу раненого, попавшего между поездами, но шофер наотрез отказался везти неизвестно кого неизвестно куда, потому что он ждет хозяина и уехать никуда не может.

— Умер-шмумер, я тут при чем? Не надо было между поездами скакать! Как я могу хозяина бросить в лесу одного? Нет, это не идет. В «скорую» позвонить — да, пожалуйста, нет проблем — (что он и сделал по радиотелефону), — а уехать с поста не могу, не имею права, друг!

И он даже отъехал от переезда, чтоб избавиться от настырного просителя.

Кто-то добрый прибежал назад и вместе с грибниками стал смотреть на раненого, который то терял сознание, то приходил в себя и шептал:

— Ну что это, где шофер? Где машина? Почему здесь? Зачем? Что?

— Придет машина, сейчас придет, мы вызвали, потерпи!

Грибники что-то пытались делать, но тщетно: кровь лилась из ран, вся трава кругом была черна и липка, от нее поднимался удушливый сладковатый запах, и грибники оттаскивали раненого от натекающих луж, ахая, ругая «скорую» и разрывая на бинты свои рубахи.

Через два с половиной часа, когда их, наконец, нашла «скорая», раненый был едва жив и по дороге в больницу умер. А верный слуга все ждал, удивляясь сексуальным успехам шефа — обычно тот укладывался в полчаса.

ЖИЛЕТЧАТЫЙ И КОБУРНОЙ

Однажды встретились два бывших одноклассника. Они сели прямо на кухне, собрали выпить и закусить. Один, здоровый, снял куртку и остался в кобуре, второй, толстенький, повесил пиджак на стул и расстегнул жилетку.

Кобурной сказал:

— Мы знакомы сто лет, знаем друг друга от и до. Пока я сидел, ты бизнесменствовал...

— Бизнесменил потихоньку, — уточнил в жилетке.

— Вот-вот, — усмехнулся кобурной, — ты всегда был отличником, слова знаешь. Поэтому я и предлагаю тебе бизнеснуть разок вместе.

— У нас ведь разные бизнесы? — заметил жилетчатый.

— Но цель-то одна. Короче: хочешь пару миллионов баксов?

— Кто же откажется, родной?

— Тогда я завтра принесу тебе четыре лимона фуфловых долларов, они мне ничего не стоят, дружок из Азии подогрел, а ты их будешь постепенно растворять в своем банке. Понятно говорю? Моя фирма сдает валюту, все честь-честью, потом двери на запор и ерши их в общаке, с настоящими гриннами тасуй. И все. Оформлять будем как полагается: фирма, доходы, приходы, расходы и вся прочая поебень, как там у вас для марьяжа полагается. Мне — лимон, настоящих, остальное тебе, сколько налимонишь...

— Ты когда вышел-то, братан? — перебил его жилетчатый.

— Полтора минуло, а что?

— Так, просто. Отстаешь от жизни... — Он помолчал, играя цепью от часов.

Друг детства смотрел на него, не мигая.

— Выходит, ты хочешь продать мне за миллион настоящих долларов несколько кило резаной бумаги? — сказал он погодя.

— Это не бумага. И не продать, а в дело войти.

— Как бы то там ни было. Все дело в том, родной (мы с тобой близкие люди, можем говорить открыто), что в банке уже год настоящей валюты никто в глаза не видел, так что твое фуфло будет просто лишним. Давно этим занимаемся. Если бы ты только знал, откуда только туфтовые баксы не идут!.. Из Польши, из Сингапура, из Африки. Вот, говорят, Иран у «штази» два станка купил и уже три миллиарда долларов нашлепал. Теперь вот Азия. А рублей сколько фуфловых ходит —

ужас! Да и совесть тоже надо иметь, рухнет же экономика, чего тогда делать? У пьяного ежика сосать?

— Это что же, все места заняты, что ли? — кобурной уставился на него тем противным, отрешенно-стальным взглядом, за которым всегда, начиная с пятого класса, следовала вспышка. — Смотри, чтоб тебе с этим ежиком раньше не пришлось встретиться, пока экономика еще стоит!.. Ты что мне, политграмоту вздумал читать, о совести вспомнил, шалава? Я тебе дело говорю — а ты мне романы тискать, Паустовский?.. Что у кого «штази» купила?.. — Он потянулся к плечу и, не отводя взгляда от жилетчатого, начал отстегивать хлястик кобуры.

— Стой, не кипятись, — поспешил объяснить жилетчатый, кладя свою отманикюренную ладошку ему на лапу, — просто пойми: у нас все забито. Но я попробую спросить напротив, может, они чем-нибудь помогут. Не волнуйся, не пропадет твоя кукла, найдем ей применение. Отвечаю. Слово банкира! — сказал он напоследок, украдкой утирая холодный пот.

И они выпили за встречу, за дружбу и на посошок, а потом разбежались: один на надежном «Вольво» — в банк, другой на быстром «БМВ» — в аэропорт, встречать из Азии никому не нужные лимоны, которым, однако, скоро нашлось очень даже неплохое применение, так что кобурной пригласил жилетчатого в ресторан, куда тот явился в сопровождении двух любовниц, и познакомился с приятелями друга детства, вспомнив при этом поговорку о том, что друзья моего друга — мои друзья.

Шафы и лбы с умилением смотрели, как жилетчатый пил ликер из крошечных рюмочек, курил черные сигарки и хлопал по мордашкам своих девочек. И говорили, чокнувшись стопарями:

— Вот, понимаю, чистая работа. А тут, понимаешь, ни сна, ни покоя, одна маета — а результаты?..

— Учиться надо было, родя!

— Да, говорила мне мамка — учись на компьютере...

— А ты все больше кошек за хвосты вешать!

— Во-во. Ну будем!

— За связь науки с производством! — говорил жилетчатый и с пьяной слезой дарил другу детства свои часы с цепью, тот стаскивал с пальца перстень, оркестр настраивал балалайки, амбалы и бугаи вставали и пили, а девочки, шаря по ним глазами, перешептывались меж собой:

— Ну жлобы, жлобы!.. А наш-то щекотунчик — сила!

АНТИПАТРИОТКА

Села женщина с сыном в поезд на Белорусском вокзале, ехала к мужу за границу.

Проводники, как водится, помогли ей затащить коляску и скарб, дали чай и пообещали приглядывать за вещами, потому что надо было часто водить в туалет простуженного ребенка.

Накормив и напоив сына, она достала книгу и принялась читать. Она привыкла быть одна и надеяться только на себя — муж четыре года работал на Западе, она иногда ездила к нему, в остальное время писала бодрые письма, хотя ночами плакала в подушку. Она не могла оставить больных родителей, муж не мог бросить выгодную работу, кормившую их всех; брак их подвергался непосильным проверкам, оба чувствовали это, и оттого встречи их каждый раз бывали все печальней.

Незадолго до польской границы (была почти ночь) она в очередной раз повела сына в туалет и, вернувшись, обнаружила, что в купе нет ничего, даже пакета, куда она собирала грязные пеленки. Купе было абсолютно пустым.

Она кинулась к проводникам, но у них было заперто. Она побежала в соседний вагон — там та же картина: ни души, только зловеющий бой вагонных колес о шпалы и рывки пола на стыках рельс.

С ребенком она не могла идти дальше. Вернувшись, попыталась обдумать случившееся, взять себя в руки, но положение было идиотски нелепым.

Вскоре вошли польские пограничники, осветили ее фонариком и потребовали документы. Она сказала, что ее только что обокрали, на что пограничники опять, уже внимательнее осветив ее и осмотрев с ног до головы, сказали, что «по-руску не мувимы» и где «папиры»? Она ответила на смеси всех известных ей славянских слов, что ничего нет, все украли.

— Фшистко украдли? Пашпорту теж нема? — удивились они.

— Няма, нямя! — отвечала она, чуть не плача.

Ребенок молчал, однако пограничники осветили и его, как будто это была кукла, в которой везут героин. Они тупо смотрели на него. И тут ей показалось, что они пьяны. Это испугало ее, но она собралась в кулак и еще раз повторила им все.

Тут послышались лязг дверей, голоса, по вагону кто-то пошел, и пограничники, без долгих разговоров приказав:

— Идзь до пшоду, цыганка, порозмавямы у начельника! — повели ее на таможду, где царила большая суета, ходили солдаты с собаками, ездили автокары и ругались какие-то люди, чей багаж везли два носильщика под надзором толстого майора.

На таможде ее опять долго «не розумели», расспрашивая с издевкой, ощупывая взглядами и пару раз недвусмысленно трогая за бока, а замначальника таможни предложил переночевать у него в гостях, выпить водки, а может, и заработать, что так любят ее соотечественницы, он их много повидал.

Она вспыхнула, резко ответила, замначальника немного стих и приказал привести проводника из ее вагона. Когда того доставили, он спросил:

— Знаш те кобете? Мяла она билет? Папиры? Где ей багаж? Где жечы? Вещи, вещи где?

Проводник, еле держась на ногах, утираясь и делая удивленное лицо, разводил грязными руками:

— Первый раз вижу, ваше яснепанство! В нашем вагоне не было, у меня глаз алмаз, а слово железо! — и показывал какую-то засаленную папку, где на местах «28» и «29», действительно, было пусто. — Вот, нету билетов, ваше сиятельство! Пустое купе было, первый раз вижу!

И замначальника отпустил его, сказав:

— Свиныя Иван, завше пьян, гнуй! — а ей предложил, во-первых, написать заявление о краже и, во-вторых, дать телеграмму родственникам, чтоб они прислали деньги на обратный билет, но только на его имя, потому что без документов на почте ей деньги не выдадут. Позвонить он ей не разрешил, потому что это служебный телефон и занимать его нельзя.

Наконец, их отвели в очень подозрительную комнату «матери и ребенка», где она испытала столько страха, сколько не собрать за всю прежнюю жизнь. Всю ночь стуки и грохоты пугали ее, не давая заснуть; ребенок нервничал, ничего не понимал, и она боялась, что ночью пьяные пограничники сделают с ней что-нибудь страшное.

На другой день она все-таки сумела позвонить брату, и тот перевел деньги срочным платежом.

Убедившись, что валюта поступила, замначальника велел посадить ее в первый проходящий поезд, приказав шустрому проводничку:

— Одвезешь до Москвы, пес! — на что тот козырнул, пообещав:

— Будет сделано, шеф, лишь бы ты был здоров!

— И всадишь до таксувки, быдлак! — подобрел замначальника, вдруг вспомнив, что еще немного долларов капнуло на счет. Пустячок, но приятно.

Шустрый проводник поселил ее у себя в купе и приставал к ней до тех пор, пока она не сказала, что ее будут встречать и ему не поздоровится, если она скажет брату. Тогда он, пробурчав:

— Стервоза натуралис! — надолго исчез и появился только перед Москвой, а на ее напоминание о такси огрызнулся: — Делать мне больше нечего — на такси всяких сажать!

После этого она, улетев через неделю самолетом, больше назад не возвращалась, хотя очень любила свою родину и никогда уезжать из нее не собиралась.

КАРТОТЕКА

Зовут его Ганс, фамилия Мюллер. Работает он в одном из туристических бюро во Франкфурте-на-Майне. У него есть хобби — русские красавицы. Вся стена увешана их снимками. Это большая коллекция, причем все карточки строго пронумерованы, а в папках хранятся досье: письма красавиц, его ответы, новые послания. Это его картотека, которую он начал вести после того, как один раз, будучи в Москве по льготной турпутевке, дал, по наущению знакомых, ради шутки, объявление в «Учительскую газету» (туда было дешевле всего): «Немец приятной наружности ищет русскую женщину для совместного будущего».

После того, как число писем за несколько дней перевалило за полсотни, он составил картотеку, потом уехал, но и дома продолжал получать пачки писем, которые ему пересылали с оказией московские знакомые.

Он их нумерует, классифицирует, раскладывает по группам, а на папки клеит фотографии. В список «А» попадают те женщины, с которыми он переспал бы с большим удовольствием. Эти фото он подолгу рассматривает. Письма этой группе пишутся длинные. Русского языка Ганс не знает, но у него есть помощник — казахстанский немец, переселенец из Караганды (5 марок письмо).

Список «В» — для баб, с которыми он переспал бы охотно, им Ганс пишет аккуратно, хотя письма тут покороче (3 марки письмо). Самые уродливые дамы попадают в список «С», и цена им 1 марка — отказ плюс пять марок за пересылку, на что Ганс, как ни странно, никогда не скупится, а в первом и последнем своем письме пишет всегда одну и ту же причину отказа: «Я чувствую, что мы не сойдемся характерами».

Письма претенденток — разной длины, грамотности и накала, но все содержат один и тот же мотив: вырваться, бежать!

Женщины изо всех сил расписывали свои достоинства, хобби и плюсы, причем все письма были очень красочны и почти в каждом были литературные сравнения: писали о схожести своей судьбы с судьбой Катерины (которой тошно в темном царстве); о близости к поступку Анны Карениной (если не уедет из Чебоксар); сделав предложение заключить брак заочно, извинялись за смелость, ссылаясь на Татьяну Ларину; подобно Вере Павловне, видели во снах дворцы Франкфурта и Дюссельдорфа; были и такие, которые за мужа и семью готовы в горящие избы входить; одна учительница из Перми протестовала против того, что ей приходится быть в роли той гагары, которой только и остается, что следить за полетами Буревестников, сидя дома, в хрущобе, потому что зарплата у нее 100 000 рублей, что равняется старым 100.

Были рассказы о карельских реках и о соблазнительных таежных ночевках, об ухе на озере и грибах на прутиках, о кострах и сибирском раздолье (хотя слова «тайга» и «Сибирь» для Ганса обозначали конец света, и он, бывало, смеялся в душе над дурочкой, которая верила, что он может вот так просто взять и поехать жить на край света, где, говорят, тараканы, а люди от голода едят ягоды и коренья); кто-то пытался заманить его на Алтай, где растет женьшень; какая-то учительница немецкого языка признавалась в том, что с детства мечтала поцеловать порог дома, где родился Генрих Гейне; другая рассказывала о способах заварки сибирского чая и о тайнах двойных пельменей; кто-то предлагал все свои знания и

силы великой Германии, где покой и порядок, в отличие от Кемеровской области, где страшно не только самой по улицам ходить, но и собаку выпустить: поймают и на шапки перелицуют; были оптимистки-патриотки, которые хотели забыть ошибки прошлого и строить интернациональную семью, где оба ребенка, говорящие на четырех языках, закончили бы Пажеский корпус и Пансион благородных девиц («или как это там называется»); были готовые ко всяким трудностям совместной жизни, а какая-то пожилая учительница из Мордовии, сразу попавшая в список «С», страстно желала только одного: увидеть Париж — и умереть.

Ганс не особо вникал во все эти тонкости, брал несколько раз в году отпуск и льготным тарифом летел в Москву, в одну теплую гостиницу, где и производил осмотр претенденток. Заранее, из Германии, он извещал всю группу «А» и выборочно группу «В» (про запас) о своем приезде. И женщины ехали к нему со всех концов за свой счет, заранее зная, что он — очень занятой человек и больше чем несколько часов, уделить не сможет. За ресторан платили тоже они, что было одним из жестких условий встречи.

Он тщательно готовился и спускался в вестибюль. Дальше бывало по-разному: одни, пожав потную руку, тут же уходили (внешне Ганс был довольно уродлив, с толстым задом и в свиных очках); но большинство застревало, а большинство от большинства оставалось и на ночь, потому что всем без исключения Ганс говорил одну и ту же фразу:

— Надо проверить совместимость, без этого не идет, ты же понимаешь сама, — и некоторые старались вовсю, а он фотографировал их «на память», говоря: — Ты мне очень нравишься. Я думаю, что я женюсь на тебе.

Наутро он аккуратно записывал данные для визы, говорил, что надо подумать, но что он уже близок к тому, чтобы жениться именно на ней, редко назначал новое свидание, но для большинства на этом все заканчивалось — претендентка летела обратно в Читу или Томск, а он шел принимать ванну, готовиться к завтраку с очередной претенденткой — день был расписан плотно.

Пропустив в среднем тридцать-сорок женщин, он, довольный, улетал домой, в свой городок под Франкфуртом. Там все знали о его хобби, и он подробно и охотно, обстоятельно сверяясь с дневником и показывая фотографии, рассказывал собутельникам о русских красавицах, на что молодые люди смеялись, говорили:

— Slawen sind Sklaven!¹ — и просили взять с собой в поездку, а пожилые печально качали седыми головами:

— Armes Russland! Das ist nicht gut! Und besonders für uns!²

Все это длилось до тех пор, пока однажды его не опоили и не обобрали до нитки, после чего он на время перестал ездить в Москву, но потом дал объявления в престижных изданиях и запасся канцпринадлежностями, а заодно и дискетами, потому что намеревался теперь составлять картотеку на компьютере и только менять имена в письмах, чтобы не платить казахстанскому немцу, который довольно злобно ругался с ним из-за этого, доказывая попутно, что никогда ему не понять русских женщин.

— А я и не хочу! — отвечал Ганс. — Ты же меня знаешь: если я один раз пересплю с женщиной, то потом она мне противна. Такая уж у меня натура. Я люблю коллекционировать женщин.

— Вот был бы Сталин жив, тогда посмотрел бы я на тебя! — огрызнулся казахстанский немец, ибо сослаться ему было больше не на кого.

---

¹ Славяне — рабы.

² Несчастная Россия! Это нехорошо! Особенно для нас!

ПЕРВЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ

Студентка пришла к доценту с темой семинара.

Он был в хорошем настроении и быстро все утвердил, сделав попутно студентке комплимент.

Придя домой, она говорила слушавшей ее со слезами радости на глазах матери:

— Какой приятный человек! Такой внимательный!.. Вот это я понимаю — ученый! Недаром все хвалят его! По глазам видно — глубокая натура! И одет со вкусом.

Когда она принесла ему первый текст, то внезапно выслушала долгую и язвительную нотацию, где слова «тема куца, материала недостаточно, методология ни к черту, подход негоден» были далеко не худшими. Она в слезах прибежала домой:

— Индюк, как это я раньше не замечала! Дурак надутый! Наверно, поссорился со своей крысой-любовницей, а я-то тут при чем? В красном свитере каком-то... И вообще — как ученый может иметь такую мертвую душу, так не понимать людей? Непостижимо!

Скоро она должна была нести готовый доклад. Она очень трусила. Вопреки ожиданиям, успех был полным. Придя домой, она рассказывала:

— Все-таки он очень обаятелен, просто душа! Настоящий специалист, недаром его и в Европе знают. Во все вник, все усек. И галстук был так повязан, с ложбиночкой, знаешь?..

— Знаю, знаю, — говорила всепонимающая мама. — Чай стынет, пей!

На семинаре он вдруг за что-то раскритиковал ее в пух и прах: и решения проблемы нет, и тема раскрыта поверхностно, и говорит она невнятно, и делает ошибки в ударениях, что вообще уже переходит все границы.

Дома с ней случилась истерика:

— Мелочник! В таких вещах копается, как ему не стыдно! Ерундист поганый! Эстетика, этика, а сам одет, как козел! Разве это по-мужски? В таких пустяках роется, как в грязном белье! Фу, противно просто! Тоже, со свиным рылом в калашный ряд! И как ему только диссертацию удалось защитить?..

— За деньги! — хмуро подавал голос папа, мама поджимала губы, дедушка вспоминал о добрых временах, когда таких вейсманистов-морганистов ставили без лишних слов к стенке, а бабушка уже спешила со спасительным ужином.

А вскоре он неожиданно похвалил ее, привел в пример другим студентам, а наедине вдруг пригласил к себе на дачу. И она, сияя, шептала подруге в трубку:

— Фигура, взгляд — что надо! Бабы писаются от него. Говорят, двух любовниц имеет...

— Смотри третьей не стань.

— А хотя бы, что тут такого?.. Только польза будет. Он и в науке разбирается — будь здоров, и мужик что надо!..

ПРОСТОТА ПРОСТАТЫ

Как-то главврач большой больницы вызвал к себе двух онкологов, разлил по стопкам спирт с медом и сказал:

— Парни, по-людски зарабатывать хотите?

— Что за вопрос, шеф! — ответили парни, вытирая руки о передники.

— Вот и хорошо. Будем делать профилактику. Профилактические операции. Кумекаете?

— Чего-то не кумекается. Как это?

— Как-как, очень просто, элементарно. Разрезать, посмотреть и зашить — вот и все. Если чего нашли — хорошо, тащи наружу, если нет — зашивай и баста. Чего же проще?.. Вот, слышали, на Западе, — главврач показал большим пальцем куда-то через плечо, — все люди профилактику рака делают, врачи бабки гребут лопатами, по Таити-островам шатаются, а мы что, хуже? Делайте просто: поступил больной, так ты, Кеша, осмотри его, все анализы сделай, а потом говори родственникам, что дело труба, что надо срочно резать, иначе метастазы по всему телу пойдут, и что есть у нас только один спец по этой части — доктор Гоша. А Гоша режет. Ну и вот. Рак ведь дело такое — не спрашивают, сразу бегут бабки собирать, действует лучше всякого киднякинда...

— Чего? — не поняли ребята.

— Ну когда детей воруют.

— И уши режут? — понял Кеша. — Киднепинг?

— Да хрен его. Главное — суть. Там хоть за выкуп торгуются, а у нас никто и не плачет — тысяча, так тысяча. Значит, ты, Кеша, с родственниками беседы проводишь...

— В трудных случаях к вам посылаю, — вставил тот.

—... само собой, мы же вместе, ребята, я — за вас, вы — за меня. Только так и прорвемся. Чего делать-то остается? Надо волками грызть все кругом, иначе капитализм этот сраный не пережить. Значит, ты с родичами балакаешь, а Гоша режет. Деньги на три части делим. Операция — штука зеленых, как обычно.

— Или три, — сказал Гоша.

— А хоть бы и пять, зависит от трудности.

— Бывает запущенная стадия.

— Или в два этапа оперировать приходится...

Парни сели — разговор обещал быть интересным. Главврач разлил еще по одной:

— Все правильно, — обрадованно сказал он, — только не забывайте родственникам опухоли какие-нибудь показывать, они это любят.

— Совсем здоровых тоже резать? — уточнили ребята.

— Конечно, их-то и резать! Больному — какая уже профилактика? А здоровому, если его раскрыть и обратно зашнуровать, — никакой проблемы. Заодно и посмотрите, что к чему там у него... Ради профилактики. А я через отчеты все проведу как следует. И тридцать процентов, соответственно, мне.

— По рукам! — сказали ребята, и все выпили по третьей рюмке спирта с медом, тмином и лимоном, который так хорошо готовила любовница главврача медсестра Ниночка.

И начали парни строгать. Родственники исправно собирали деньги, больные переживали свой личный апокалипсис, а главврач надзирал, оформлял и прикрывал. Все шло отлично: не успевали вкатить коляску, разрезать, подождать минут двадцать, чтоб перед младшим персоналом не светиться, зашить и выкатить, — а деньги уже делились на три пачечки в одном из кабинетов.

Но вот как-то Гоша, переборщив с морфином, который он аккуратно делал себе перед каждой операцией, наткнулся на что-то, похожее на опухоль, и с размаху, как следует не рассмотревши, вырезал ее. Опухоль, однако, оказалась заросшей, но вполне простой простатой, которая очень скоро дала о себе знать своим отсутствием.

Родственники с боем взяли банку, в которой Гоша показывал им вырезанную «опухоль», отнесли другим врачам и подняли шум, несмотря на то, что парни с главврачом пытались доказать им, что простата была не простая, а с опухолью, и

надо было обязательно резать, лучше раньше, чем позже, опухоль отрезали вот отсюда, а потом, заодно, вырезали и саму простату, потому что, раз появившись, опухоль появилась бы вновь («Сто процентов!» «Обязательно!»), так не лучше ли сразу, тем более, что больной уже стар и простата ему вообще ни к чему, только проблемы создает? И вообще, если очень хотите, можем обратно пришить, простата в спирте долго сохраняется, орган не хитрый.

Но родственники не успокаивались, подали жалобу в Минздрав, явилась комиссия, и главврач решил отправить ребят в отпуск, от греха подальше, потому что одному отбrehиваться всегда легче, чем троим.

Они купили двойные путевки на Канарские острова и полетели, спрятав в плавки доллары, перевязанные резиночками.

После двух бутылок водки и посещения казино, где они ставили только на «красное-черное», после ощутимого проигрыша и обильного обеда они познакомились с двумя мулатками, кожа у которых шуршала под рукой, как замша, а соски были в полгруды. Они танцевали ламбаду и пили ликер «бенедиктин», не замечая, что в нем плавают кусочки нерастворившихся таблеток.

Утром, очнувшись на пляже и обнаружив, что они обчищены дотла, они начали лаяться между собой.

— Говорил я тебе — бойся бога! Ведь клятву Гиппократу давал! Вот и наказание! — твердил более совестливый Кеша, а Гоша искал по карманам мелочь опхмелиться и огрызался:

— Иди ты в задницу со своим Гиппократом! Вспомнил! Чтоб он сгорел и сдох, проклятый! Сколько теперь тут куковать, перевода ждать? И на хер ты этих шалав коричневых вчера приваживал, дурень! Какого цвета у них письки да как они сосут? Вот теперь сам сосать будешь! Ни паспортов, ни денег! В консульство идти надо!

— А есть тут вообще такое? — виновато спрашивал Кеша.

— Розовое влагалище в крапинку есть для любопытных! — плюнул Гоша и поплелся в отель давать телеграмму.

Когда они, получив перевод и благополучно загорев, через месяц вернулись в больницу, главврач закрыл дверь, налил по рюмке медовухи и сказал:

— Поступило, братцы, очень интересное предложение. Есть тут такая контора, фирма «Альфа-Гамма-Зет», так она органами торгует. Трансплантация, реплантация, плантация... Отрезал, в банку запалял, немцам отправил — и всех делов.

— А какие органы? — уточнили ребята.

— Всякие. Разные. За почку, к примеру, 20 или 30 штук зеленых платят. Нам за вонючую простату выговор дали, а могли бы — деньги, ясно? Это же так просто!.. Я с фирмой договор уже заключил, так что думайте, решайте, хотите — будем работать, нет — охотников навалом. Завтра, кстати, презентация. В морге.

— Почему в морге? — удивился Кеша.

— Потому что там наверху есть большой зал, его по ночам задешево сдают своим.

— А... Ну да... Но резать — это по его части, я ведь терапевт, — кивнул Кеша на Гошу, а тот, наученный горьким опытом, спросил:

— Резать-то можно, нет проблем, а вот материал кто поставлять будет?

— Это уже по договоренности. Вот завтра и посидим, подумаем, покумекаем, что к чему, спешить в таком деле не следует.

— Конечно, — согласились ребята и пошли по отделениям делать обход, а главврач позвонил на фирму «Альфа-Гамма-Зет» и попросил зарезервировать еще два места на завтрашнюю презентацию.